

Приключения Вальтера Шнаффса

Category: Heкаýalar,Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Приключения Вальтера Шнаффса ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАЛЬТЕРА ШНАФФСА

Роберу Пеншону.

С той минуты как Вальтер Шнаффс вступил в пределы Франции в рядах армии завоевателей, он почитал себя несчастнейшим из смертных. Он был толст, ходил с трудом, страдал одышкой, и у него страшно болели ноги, плоские и очень жирные. Кроме того, по натуре он был миролюбив, приветлив, ни в какой мере не воинственен и не кровожаден, у него было четверо детей, которых он обожал, и молодая белокурая жена, ласки, заботы и поцелуи которой он отчаянно оплакивал каждый вечер. Он любил вставать поздно, а укладываться спозаранку, не спеша есть вкусные вещи и сидеть за кружкой пива в пивных. Кроме того, он был уверен в том, что все приятные стороны жизни исчезнут вместе с нею, и таил в сердце своем ужасную – инстинктивную и в то же время сознательную – ненависть к пушкам, ружьям, револьверам, саблям, а в особенности к штыкам, так как чувствовал себя неспособным с достаточным проворством действовать этим стремительным оружием, чтобы защищать свой толстый живот.

Ночью, завернувшись в шинель и лежа на земле рядом с храпевшими товарищами, он подолгу раздумывал о близких, оставшихся на родине, и об опасностях, которыми был усеян его путь. Если его убьют, что станется с малютками? Кто их будет кормить и воспитывать? Да и теперь-то они не богаты, несмотря на долги, сделанные им перед отъездом, чтобы оставить родным хоть немного денег. И Вальтер Шнаффс плакал не раз.

В начале каждого сражения он чувствовал такую слабость в ногах, что готов был упасть, если бы только не помнил, что вся армия пройдет по его телу. От свиста пуль поднимался дыбом каждый волосок на его голове.

Целый месяцы жил он так, в страхе и тоске.

Армейский корпус, в котором он служил, продвигался к Нормандии, и вот однажды он был послан на рекогносцировку с небольшим отрядом, которому надлежало только обследовать часть местности и затем отступить. Все кругом, казалось, было спокойно; ничто не указывало на возможность подготовленного отпора.

Пруссаки не спеша спускались в маленькую долину, прорезанную глубокими оврагами, как вдруг жестокая пальба, свалив сразу человек двадцать, заставила их остановиться, и отряд вольных стрелков, внезапно выскочив из маленького, величиною чуть ли не с ладонь, леска, сомкнув штыки, бросился вперед.

Вальтер Шнаффс сначала не двинулся с места: он был так поражен и растерян, что и не думал бежать. Затем им овладело безумное желание обратиться в бегство, но он тотчас же вспомнил, что бегают, как черепаха, в сравнении с сухопарыми французами, бежавшими вприпрыжку, словно стадо коз. Тогда, увидев шагах в шести от себя широкий ров, заросший мелким кустарником с сухими листьями, он прыгнул туда, подумав даже о его глубине, как прыгают с моста в реку.

Он пролетел, как стрела, сквозь толстый слой ползучих растений и острых колючек, исцарапавших ему лицо и руки, и тяжело плюхнулся задом на каменистое дно.

Подняв тотчас глаза, он увидел небо сквозь пробитое им отверстие. Это предательское отверстие могло его выдать, и он с предосторожностью пополз на четвереньках по дну ямы, под прикрытием сплетавшихся между собой ветвей, передвигаясь как можно быстрее и удаляясь от места сражения. Затем он остановился и снова сел, притаясь, как заяц, в высокой сухой траве.

В течение некоторого времени он еще слышал выстрелы, крики и стоны. Потом шум битвы стал слабеть и наконец совсем стих. Все снова погрузилось в молчание.

Вдруг возле него что-то зашевелилось. Он вскочил в ужасном испуге. То была маленькая птичка; опустившись на ветку, она шевельнула сухие листья. Почти целый час после этого сердце Вальтера Шнаффса билось сильно и учащенно.

Наступила ночь, наполняя ров темнотою. Солдат принялся

размышлять. Что ему делать? Что с ним будет? Догнать армию?.. Но как это сделать? По какой дороге? И ему придется начать сызнова эту безобразную жизнь, полную тоски, страха, усталости и страданий, которую он вел с начала войны! Нет! Он больше не чувствовал в себе мужества для этого! У него больше не хватило бы силы переносить мучительные переходы и ежеминутно становится лицом к лицу с опасностью.

Но что же делать? Не может же он оставаться в этом овраге и прятаться тут до окончания войны? Конечно, нет. Если б можно было обойтись без пищи, эта перспектива не очень смутила бы его; но ведь есть было нужно, и притом ежедневно.

Таким образом, он очутился совершенно один, вооруженный и в мундире, на неприятельской территории, вдали от товарищей, которые могли бы его защитить. Озноб пробегал по его телу.

Вдруг он подумал: «Хорошо бы попасть в плен!» И сердце его замерло от желания, сильного, беспредельного желания сделаться французским пленником. Сдаться в плен! Ведь это значило быть спасенным, сытым, иметь верный приют, защищенный от ядер и сабель, в отличной, хорошо охраняемой тюрьме. Стать пленником! Какая сладкая мечта!

И решение его сложилось немедленно:

«Пойду и сдамся в плен!»

Он поднялся, намереваясь осуществить свой план, не медля ни минуты. Но не мог двинуться с места, осажденный вдруг целым роем досадливых мыслей и новых ужасов.

Где объявит он себя пленным? При каких обстоятельствах? И страшные образы, образы смерти, быстро пробегали в его мозгу. Ему грозят ужасные опасности, если он пустится в путь один, в своей остроконечной каске, по равнине.

Что, если он встретит крестьян? Увидев заблудившегося пруссака, беззащитного пруссака, крестьяне убьют его, как бродячую собаку. Своими вилами, заступами, косами, лопатами они искрошат его! С остервенением отчаявшихся побежденных они превратят его в кашу, в месиво.

А если он встретит вольных стрелков? Эти вольные стрелки, эти бешеные, не признающие ни закона, ни дисциплины, расстреляют его просто ради забавы, чтобы весело провести часок и

посмеяться, глядя на его физиономию. И он уже видел себя приставленным к стене, против двенадцати ружейных дул, как будто смотревших на него своими круглыми черными отверстиями. А что, если ему встретится французская армия? Солдаты авангарда примут его за разведчика, за какого-нибудь смелого и ловкого служаку, который отправился на рекогносцировку один, и будут стрелять по нему. И он уже слышал беспорядочные залпы солдат, лежавших в кустарниках, в то время как он, один посреди равнины, падает на землю, пробитый, наподобие шумовки, их пулями, которые уже ощущал в своем теле.

В отчаянии он снова присел. Положение представлялось ему безвыходным.

Наступила ночь, немая и черная ночь. Он не шевелился больше, дрожа от малейшего неведомого шума в темноте.

Кролик, шлепавший своим задом у входа в норку, едва не обратил в бегство Вальтера Шнаффса. Крики совы раздирали ему душу, пронизывая его внезапными страхами, болезненными, как рана. Он широко раскрывал свои круглые глаза, стремясь увидеть что-нибудь в темноте, и ему поминутно казалось, что кто-то шагает неподалеку.

После бесконечно тянувшихся часов жестоких страданий он увидел небо, светлевшее в просвете прикрывавших его веток. Тогда он почувствовал огромное облегчение; члены его расправились и словно разом отдохнули, сердце утихло, глаза закрылись. Он уснул.

Когда он проснулся, солнце почти достигло зенита; по всей вероятности, близился полдень. Ни малейший шум не нарушал угрюмой тишины полей, и Вальтер Шнаффс ощутил вдруг приступ острого голода.

Он зевнул, и у него потекли слюнки при воспоминании о колбасе, о вкусной солдатской колбасе; желудок его занял.

Он встал, сделал несколько шагов; увидел, что ноги его ослабли, и снова сел, чтобы собраться с мыслями. В течение двух или трех часов он взвешивал все за и против, ежеминутно меняя решения, чувствуя себя окончательно подавленным, несчастным, терзаемым самыми противоположными доводами.

Наконец одна мысль показалась ему логичной и удобоисполнимой:

это выждать какого-нибудь деревенского жителя, безоружного, не имеющего при себе опасных сельскохозяйственных орудий, побежать ему навстречу и отдаться ему в руки, предварительно хорошенько дав понять, что он сдается.

Тогда он снял каску, острие которой могло его выдать, и с бесконечными предосторожностями высунул голову над краем ямы.

Ни единого живого существа не было видно на горизонте. Вдали, направо, над крышами маленькой деревушки поднимался в небеса дым, кухонный дым! Налево, в конце обсаженной деревьями дороги, он заметил высокий замок с башнями по бокам.

Так он прождал до самого вечера, ужасно страдая, ничего не видя, кроме летающих ворон, ничего не слыша, кроме глухого урчания своих кишок.

И снова наступила ночь.

Он вытянулся на дне своего убежища и заснул лихорадочным сном, наполненным кошмарами, сном голодного человека.

Заря снова занялась над его головой. Он опять принялся за свои наблюдения. Но местность была пустынна, как и накануне, и новый страх овладел душой Вальтера Шнаффса – страх умереть с голоду! Он уже видел себя распростертым навзничь на дне ямы, с закрытыми глазами. Множество хищников, мелких хищников, приближалось к его труп и начинало его глотать, набрасываясь на него сразу со всех сторон, пробираясь под одежду, чтобы вырвать клочок его холодной кожи. А огромный ворон выклевывал ему глаза своим длинным клювом.

Тут им овладело безумие; он вообразил, что вот-вот потеряет сознание от слабости и не сможет ходить. Он приготовился уже бежать в деревню, пренебрегая всеми опасностями, как вдруг увидел трех крестьян, шедших в поле с вилами на плечах, и снова нырнул в свой тайник.

Но едва только вечер одел равнину тьмой, он медленно вылез из ямы и, согнувшись, дрожа от страха, с бьющимся сердцем пустился в путь по направлению к отдаленному замку, предпочитая идти туда, чем отправляться в деревню, которая казалась ему такой же страшной, как логовище тигров.

Нижние окна были освещены. Одно из них было даже открыто, и сильный запах жареного мяса вырывался наружу; запах этот

ударил в нос Вальтеру Шнаффсу, проник до самых недр его желудка, заставив солдата скорчиться, задохнуться, и неумолимо повлек его, пробудив в сердце мужество отчаяния.

И быстро, не размышляя, он появился у окна с каской на голове. Вокруг большого стола обедали восемь слуг. Но вдруг горничная разинула рот и уставилась в одну точку, уронив стакан. Все глаза устремились за ее взором.

Все увидели неприятеля!

Боже! Пруссаки напали на замок!..

Сначала раздался крик, единый крик, в котором слились восклицания восьми голосов в восьми разных тонах — крик чудовищного ужаса; затем все поднялись с шумом, толкотней, давкой и обратились в паническое бегство через дверь в глубине комнаты. Стулья валились, мужчины опрокидывали женщин и бежали через них. В две секунды комната опустела, и стол, заставленный едой, был покинут на глазах у остолебневшего Вальтера Шнаффса, продолжавшего стоять у окна.

Поколебавшись несколько мгновений, он перелез через подоконник и приблизился к столу с тарелками. Он дрожал, как в лихорадке, от жестокого голода, но страх все еще удерживал, парализовал его. Он прислушался. Весь дом, казалось, дрожал, запирали двери, над потолком раздавались быстрые шаги. Пруссак тревожно прислушивался к смутным звукам, а затем услышал глухие удары, словно от падения тел на мягкую землю у основания стен, человеческих тел, прыгавших со второго этажа.

Вскоре всякое движение прекратилось, волнение улеглось, и большой замок сделался безмолвен, как могила.

Вальтер Шнаффс уселся перед нетронутой тарелкой и принялся есть. Он глотал большими кусками, словно боясь, что ему помешают и он не успеет проглотить достаточное количество пищи. Обеими руками отправлял он большие куски в рот, открытый, словно люк, и эти куски, раздувая горло, опускались один за другим в его желудок. Порою он останавливался, чуть не лопаясь, словно переполненная труба. Тогда он брал кружку сидра и прочищал себе пищевод, как промывают заморившийся сток.

Он опустошил все тарелки, все блюда и все бутылки, а затем,

опьянев от еды, и питья, отупевший, красный, сотрясаемый икотой, с помутившеюся головой и сальным ртом, расстегнул мундир, чтобы передохнуть, и почувствовал, что уже не в силах ступить ни шагу. Его глаза смыкались, мысли цепенели; он опустил отяжелевшую голову на руки, сложенные на столе, и незаметно утратил представление обо всем окружающем.

Ущербный месяц стоял над деревьями парка, смутно освещая равнину. Был тот час холода, который предшествует рассвету. Многочисленные и безмолвные тени скользили в кустарниках, и по временам луч луны заставлял светиться во мраке стальные острия.

Спокойный замок поднимался огромным черным силуэтом. Блестели только два окна нижнего этажа.

Вдруг громовой голос проревел:

– Вперед, черт подери! На приступ, ребята!

И в одно мгновение двери, ставни и окна затрещали под напором людского потока, который, вторгаясь, наводнял дом, бил и сокрушал все на своем пути. В одну минуту пятьдесят солдат, вооруженных до зубов, ворвались в кухню, где мирно спал Вальтер Шнаффс, и, приставив к его груди пятьдесят заряженных ружей, повалили его на землю, схватили и связали с головы до ног.

Ошеломленный, избитый, сброшенный на пол, обезумевший от страха, он задыхался, слишком отупев, чтобы понять, что случилось.

Вдруг толстый офицер, весь в золотых галунах, поставил ему на живот ногу и проревел:

– Вы мой пленник! Сдавайтесь!

Пруссак понял только одно слово – «пленник» и простонал:

– Ja, ja, ja!

Он был поднят, привязан к стулу и с неподдельным любопытством осмотрен своими победителями, пыхтевшими, как паровозы. Многие из них сели, изнемогая от волнения и усталости.

Он улыбался теперь, он улыбался, уверившись наконец в том, что попал в плен!

Вошел другой офицер и возвестил:

– Полковник! Враг отступил; многие, как видно, были ранены. Мы

остаемся хозяевами замка.

Толстый офицер, вытирая лоб, закричал:

– Победа!

И, вынув из кармана маленькую записную книжку, какие в ходу у торговцев, записал:

«После ожесточенной битвы пруссаки принуждены были отступить, унося, своих убитых и раненых, которых насчитывается до пятидесяти человек. Несколько человек остались в наших руках».

Молодой офицер продолжал:

– Какие будут распоряжения, полковник?

Полковник ответил:

– Мы должны отступить во избежание новой неприятельской контратаки с артиллерией и более значительными силами.

И он скомандовал отступление.

Колонна снова выстроилась в темноте, под прикрытием стен замка, и двинулась в путь, окружая со всех сторон Вальтера Шнаффса, охраняемого шестью солдатами с револьверами в руках.

Для обследования дороги были посланы разведчики. Отряд подвигался осторожно, останавливаясь время от времени.

К восходу солнца прибыли к супрефектуре Ла Рош Узеля, национальная гвардия которого одержала эту победу.

Напуганное и сильно возбужденное население ожидало их. Когда разглядели каску пленника, раздались грозные крики. Женщины махали руками, старухи плакали, а какой-то старец бросил в пруссака своим костылем и поранил нос одному из его конвоиров.

Полковник ревел:

– Охраняйте пленного!

Наконец отряд достиг ратуши. Отперли тюрьму, и Вальтер Шнаффс, освобожденный от веревок, был ввергнут в нее.

Двести вооруженных человек образовали караул вокруг здания.

Тогда, несмотря на признаки несварения желудка, уже мучившие его с некоторых пор, пруссак, не помня себя от радости, принялся плясать, неистово плясать, высоко подбрасывая руки и ноги, плясать, заливаясь безумным хохотом, пока не свалился наконец, обессилив, у стены.

Он в плену! Он спасен!

Вот как замок Шампинье был отбит у неприятеля, занимавшего его только в течение шести часов.

Полковник Ратье, торговец сукном, взявший его приступом во главе национальной гвардии Ла Рош Уазеля, был награжден орденом.

* * *

Напечатано в «Голуа» 11 апреля 1883 года.

Робер Пеншон (1846 – 1925) – французский литератор, один из самых близких в руанском лицее, разделявший его увлечение гребным спортом и соавтор фарса «Турецкий дом». С 1880 года Пеншон поселился в Руане, где до конца жизни проработал в городской библиотеке. Ревностно собирал различные материалы о Мопассане, его иконографию и оказал большую помощь Альберту Лумброзо в уточнении данных его книги. В 1892 году Пеншон написал воспоминания о Мопассане, перепечатанные в книге Лумброзо.

По свидетельству Шарля Лапьерра, тема настоящей новеллы была сообщена Мопассану именно Пеншоном, нередко снабжавшим его и другими сюжетами (A.Lumbroso, p. 612).

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Некаýalar